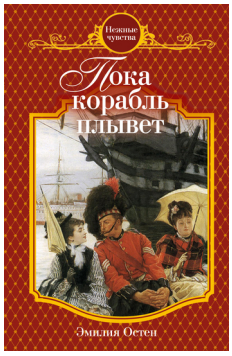
Нежные чувства
Пока корабль плывет
Эмилия Остен

Эмилия Остен

Пока корабль плывет

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440845
Пока корабль плывет: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-46200-1

Аннотация

Мэгг ждала своего жениха, уехавшего воевать в Китай, четыре долгих года. В обществе уже смеялись над ней, называя вечной невестой, мама уговаривала обратить внимание на другого джентльмена. И тогда девушка решилась: она сама поплывет навстречу своему счастью. Путь от Англии до Китая неблизок, а на море, как известно, может произойти всякое, тем более если капитан корабля – молодой, обаятельный и эксцентричный граф. Что же готовит будущее для Мэгг? Девушка не знает, доверившись воле волн и ветра.

Литературная обработка Е.Полянской.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 27
Глава 7 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Эмилия Остен
Пока корабль плывет

Пролог

Лондон, 1812 год

Тяжелые занавески даже не колыхались от сквозняков – слишком много на них налипло пыли и воспоминаний. Сколько Александр себя помнил, отец не позволял как следует убираться в кабинете. Сидел там ночами, жег свечи, что-то читал, что-то писал. Слуги заходили в кабинет главы семьи робко и пугливо, торопливо елозили тряпками по каминной полке, клочкам паркета, видневшимся из-под турецких ковров, и слегка – по корешкам книг. Если в процессе уборки появлялся отец, крик поднимался невероятный. Так что до занавесок никто не добирался толком, почитай, лет тридцать. А то и больше. Они, кажется, всегда тут висели: бархатные, пурпурно-серые, пристанище моли и паучков.

Александр чуть-чуть отвел край занавески и выглянул в окно. Был ранний вечер, синие сумерки рассеивал свет только что зажженных фонарей. Под окнами проехал экипаж, лошади звонко цокали копытами, мотали головами. Пробежала девушка с корзинкой в руках, важно прошествовал никуда уже не торопящийся мальчишка-рассыльный. Наверняка негоднику попадет в лавке… Слабый ветерок погладил щеку Александра, и тот невольно улыбнулся. Нужно как-то перетерпеть встречу с отцом, а потом вернуться домой. Там хорошо. Там огонь пляшет в камине, там уютное кресло, и там Вероника, напевая, укачивает ребенка.

– Ты посмел явиться? – раздался за спиной холодный голос.

Александр отпустил занавеску и медленно обернулся. Отец вошел в сопровождении двух слуг, несущих подсвечники. В комнате сразу стало светлее.

– Это и мой дом тоже, – напомнил Александр, стараясь сдерживаться. Отец хмыкнул, жестом отослал слуг, прошел к столу и уселся в кресло. Принялся шуршать бумагами, не обращая внимания на сына. Это было оскорблением, намеренным, расчетливым. – Я приехал поговорить с вами о важном деле.

– Все дела мы уже обсудили, – заявил отец, не поднимая головы от бумаг. – Мое решение остается неизменным.

– Не обсудили.

Он поднял голову и усмехнулся:

– Вот как?

Александр с вызовом смотрел в его прозрачные, похожие на ледяную воду глаза. У него самого радужки были карие – материнская кровь оказалась сильнее. Это и к лучшему, думал Александр иногда по утрам, стоя перед зеркалом.

– Да. Мы обсудили мое положение. Положение моей жены. Но еще не говорили о моем сыне.

Отец откинулся на спинку кресла и принялся вертеть в пальцах перо, не замечая, что оставляет на ногтях чернильные пятна.

– Что-то изменилось? У тебя есть достойный наследник?

– У меня есть сын. Ваш внук. И вам об этом прекрасно известно.

– И чего ты желаешь? Говори.

– Я желаю, чтобы вы признали его. Дали ему наше имя, имя рода. Сделали его наследником, каковым сейчас являюсь и я. Это ваша обязанность как графа.

– Ты! – голос отца был полон бешенства. – Ты смеешь мне указывать, как поступить в этом случае? Ты предал меня!

– Любовь – не предательство, – возразил Александр. Он держался из последних сил. Видит бог, как тяжело ему это терпеть. Но он должен. Ради сына.

– Любовь! – презрительно выплюнул отец. – Что ты знаешь о любви, мальчишка! Я любил твою мать, хотя она крутила хвостом перед всеми знатными мужчинами! Простое кокетство, говорила она, это у меня в крови. И ты пошел в нее. Посмотрите-ка, самостоятельный! Ни на что у меня позволения не спрашивает, а потом приходит и просит меня совершить… святотатство!

Отец встал и отшвырнул перо.

– Я ждал, что ты ко мне придешь. Ждал, что попросишь этого. Долго готовился? Желаешь на колени встать?

Александр почувствовал, как к горлу подкатывает волна ярости, и так сцепил пальцы за спиной, что они хрустнули.

– Я пришел просить вас. Но валяться в ногах не намерен.

– А почему нет? – издевательски протянул отец. – Тебя же волнует судьба ублюдка.

– Мой сын, – выдохнул Александр, – не ублюдок.

– Он и есть, – бросил отец, кривя губы. – Церковь сочла возможным одобрить твой брак, но я не нахожу. Для меня его нет. Не существует. Но… Ты мой сын, мой наследник, вне зависимости от моего желания.

– Вот как? – переспросил Александр. – Вы хотели бы это изменить?

– Глядя, как ты ведешь себя сейчас, – о да, хотел бы. Не такого сына я воспитывал. Мне казалось, что я вложил в твою голову понятие о фамильной чести. Но, увы, порченая кровь взяла свое. Однако у тебя есть шанс одуматься. И ты знаешь, как следует поступить.

– Да, – сказал Александр, сдерживая ярость, – я знаю.

Отец, видимо, принял его спокойный тон за знак согласия.

– Иногда у тебя случаются проблески разума. Так что же ты намерен делать?

– Я, – произнес Александр, чувствуя, что сейчас сорвется на крик, – намерен отказаться от этой исключительной чести – жить по вашей указке.

Отец побледнел.

– Вот как! Ты, недостойный…

– Я – недостойный! – он все-таки повысил голос. – Пускай так! Я отказываюсь от нашего родства, если уж вам не хочется признать родство с собственным внуком! Я отказываюсь от вашего общества и меняю его на общество моей жены и сына! С ними, а не с вами я был по-настоящему счастлив! Они дали мне в сотни раз больше, чем вы!

– Я лишу тебя наследства! – каркнул отец.

– Лишайте! Наследства, прав, денег – лишайте меня всего! – Александр уже кричал. – Мы покинем Лондон немедленно!

– Твой сын родился плебеем и вырастет плебеем!

– Я воспитаю его настоящим джентльменом где угодно! В любом месте мира будет лучше, чем здесь. Вы-то ничего не сможете ему дать!

Александр развернулся и направился к двери.

– Ты пожалеешь! – крикнул ему вслед отец. – Ты приползешь обратно на коленях, как только понадобятся деньги на содержание!

Александр в последний раз обернулся к нему, прежде чем выйти и с силой захлопнуть дверь, и холодно бросил одно-единственное слово:

– Никогда!

Глава 1

Глазго, 1842 год

Рэнсом привычным движением сдвинул шляпу на затылок (волосы опять растрепались и лезли в глаза, но перевязывать их сейчас не хотелось) и быстрым шагом направился прочь от шхуны. Оглядываться – плохая примета, и все же он оглянулся. «Счастливица» еле заметно покачивалась (волна сегодня шла высокая, даже здесь, на Клайде), почти все паруса уже были подвязаны, и все же Рэнсому показалось, что парусник грустит. Он сам не любил оставлять шхуну, но что поделаешь: дела приковывали к порту, к земле. Ладно. Не пройдет и пары недель, как «Счастливица» снова выйдет в море. Уж в этом-то Рэнсом не сомневался.

Он шел спокойно и уверенно, чувствуя себя как дома в знакомом доке. Чуть дальше, на верфи Джеймсона, кипела бурная деятельность: ирландские чернорабочие возводили корпус бригантины; несколько человек в плотных серых сюртуках и модных клетчатых брюках, стоя на причале, наблюдали за строительством. Рэнсом обошел их по дуге: не желал здороваться со знакомыми. Больше всего на свете он сейчас хотел оказаться дома, а не выслушивать новости и сплетни, которыми горазды делиться словоохотливые приятели.

– Поберегись!

Рэнсом поберегся, уступая дорогу веренице грузчиков, тащивших на себе тюки с эмблемой Британской Ост-Индской компании. Дальше, у недавно причалившей шхуны «Этуаль», также царила суета: разгружали индийские ткани и – судя по маркировке ящиков – специи. За работой приглядывал хороший знакомый Рэнсома, Этьен Дьюк, человек, больше смахивавший на пирата, чем на мирного торговца; пройти мимо него незаметно было невозможно. Рэнсом помахал Дьюку издалека. Тот оживился, двинулся было вперед, желая поприветствовать друга парой цветистых французских ругательств, однако Рэнсом провел ребром ладони по горлу, что означало: «Много дел». Этьен понятливо кивнул, развел руками: «У меня тоже» – и махнул: «Увидимся позже».

Привычный грохот, запах ила и нечистот, громкие гортанные выкрики, непристойный ирландский юмор, скрежет лебедок, прогнившие доски, горы тюков и ящиков, мычание коров (кто-то привез скот) – вот обычная музыка на реке Клайд. Рэнсом наконец выбрался из кавардака, в просторечии называемого портом, и сразу же увидел экипаж. Небольшой, без гербов на дверцах, запряженный парой резвых гнедых лошадок. Выглядывавший в окно пожилой человек, завидев Рэнсома, поспешно распахнул дверь, выбрался из экипажа и приветствовал хозяина глубоким поклоном.

– Мог бы так сильно не стараться, у тебя же ревматизм, – заметил Рэнсом, не давая старику заговорить первым.

– Добро пожаловать, сэр. – Чтобы смутить старого Квентина, надо приложить много усилий. – Как прошло путешествие?

– Лучше, чем я ожидал. И дольше, чем ожидал. – Рэнсом забрался в экипаж. Слуга последовал за ним. – Что дома?

– Все в порядке, сэр, однако есть новости.

– Ненавижу новости. – Рэнсом снял треуголку, бросил ее на сиденье и откинулся на спинку. Квентин стукнул набалдашником трости по потолку; раздался свист кучера, экипаж резко дернулся, а затем быстро покатил по улице. – Потому слушать все буду после обеда.

– Но…

– После обеда, Квентин.

Старый слуга знал этот тон и умолк, поджав губы. Рэнсом тоже молчал, прикрыв глаза.

Когда он находился на палубе «Счастливицы», ему казалось, что усталости не существует. Но стоило ступить на землю, почувствовать под собою вместо качающихся досок палубы плотно утоптанный грунт или каменную мостовую, как Рэнсом начинал тосковать. Сколько он себя помнил, его жизнь была связана с морем.

Оно было рядом – сначала как бескрайний серо-синий простор в белых гребешках пены; песок на узкой прибрежной полосе казался текучим, словно масло. И вода, эта свободная вода, почему-то ограниченная берегами. Рэнсому казалось, что это несправедливо: море должно быть бескрайним.

Он с раннего детства помнил запахи порта, выкрики грузчиков, крутые борта кораблей. Отец часто брал сына на верфь, где возводился первый корабль Сильверстайнов – «Геспер». Рэнсом забирался на пустую бочку и просиживал часами, глядя, как стайка людей из досок и бревен возводит это немыслимое чудо – корабль. К кораблям Рэнсом всегда испытывал священный трепет и вместе с тем считал их неотделимыми от себя. Когда он видел паруса на горизонте, то замирал весь и вытягивался струною, пытаясь разгадать, увидеть, что несут под собою эти паруса.

Когда мальчик стал постарше, отец объяснил ему основы корабельного дела. Сам Александр Сильверстайн постигал это дело на собственном опыте, быстро, неутомимо, резко. Теперь-то Рэнсом знал, что у отца не было другого выхода, однако тогда он просто восхищался тем упорством, с которым Александр шел к своей цели. В память впечатывались слова отца; его большие руки, держащие морскую карту. «Смотри и запоминай, сынок…»

Рэнсом резко открыл глаза. Покачивающаяся коробка экипажа, невозмутимый Квентин напротив… Настоящее – это сейчас, а то – давно в прошлом.

К счастью, дом находился недалеко. Престижнее было обитать где-нибудь у Кингс-парка, однако Рэнсом никогда не гнался за престижем. Как и отец. Так что в безраздельном владении Сильверстайнов находился симпатичный особнячок неподалеку от дока, где стояли их корабли. И Рэнсому этого хватало. Несмотря на то что дом был мил и уютен, все равно тянуло в море – так зачем задерживаться и обрастать зеленью на берегу?

У порога встречали слуги, выстроившиеся красивым полукругом, однако Рэнсом, поприветствовав их, сразу прошел в свои комнаты. Он знал, что разочаровывает прислугу: настоящий хозяин никуда не торопится и принимает положенное ему поклонение, – однако ему действительно было не до того, да и не придавал он значения подобным вещам. Зато платил щедро.

Некоторое время спустя, после сытной трапезы, Рэнсом с бокалом вина в руке расположился в гостиной. Обстановкой занималась еще мать, и с тех пор в комнате ничего не изменилось. Не то чтобы Рэнсом питал особенную привязанность к кремовой обивке стен и изящным панно, на которых переплетались цветы и птицы, однако он всегда испытывал нежность к матери. Весь этот дом был памятью о родителях. Весь – от подвала до чердака.

– Итак? Квентин, садись, я тебе позволяю, – позвал он старого слугу.

– Благодарю, милорд. – Старик присел в кресло напротив Рэнсома. – К сожалению, у меня для вас печальная новость. Ваш дед при смерти.

– Кто? – холодно переспросил Рэнсом, хотя внутри все сразу же заледенело.

– Ваш дед, граф Сильверстайн. Прошу вас, милорд, не делайте вид, будто не знаете его. Это, по меньшей мере…

– Глупо, – перебил его Рэнсом. – Конечно, я знаю, кто такой мой дед. И какое это имеет ко мне отношение?

Все подробности разговора с отцом всплывали, словно дохлые рыбы на поверхность. Рэнсом жалел, что его поездка в Гавр не затянулась еще месяца на два. Может, тогда он

приехал бы слишком поздно, чтобы исполнять то опрометчиво данное обещание. Но… возможно, он напрасно злится и ни о каком обещании речи не идет?

– Из Лондона прибыл пакет. Он предназначен для вас.

Рэнсом молча протянул руку, и Квентин вытащил из кармана запечатанное кровавой сургучной печатью письмо. Оно оказалось до неприличия тонким. Рэнсом взял его, поднялся, отошел к окну и вскрыл послание кинжалом отца, который всегда носил с собой.

Тонкий листок с гербом Сильверстайнов развернулся, еле слышно шурша; так шуршит сухой песок, вытекая из ладони. Мелкий аккуратный почерк не мог быть почерком умирающего человека. Рэнсом никогда не видел прежде, как пишет дед, но это письмо совершенно точно вышло из-под пера писца.

«Лорду Рэнсому Сильверстайну.

Писано 3 июля 1842 года, в Лондоне.

С прискорбием хочу сообщить Вам, что Ваш дед, граф Джонатан Карл Сильверстайн, находится при смерти. К сожалению, его слабое здоровье не позволяет надеяться, что он увидит нынешнюю осень. В связи с тем, что Вы являетесь наследником графства Сильверстайн и всех принадлежащих семье владений, а также денежного состояния, граф Сильверстайн требует, чтобы Вы выехали в Лондон сразу же по получении этого письма.

С уважением, Харольд Уэстли,

управляющий делами графа Сильверстайна».

Рэнсом смял листок в кулаке.

– Требует! – прошептал он побелевшими губами. – Он требует!

Рэнсом смотрел в окно и ничего не видел. И не желал видеть.

Около десяти минут прошло в молчании. Квентин не издавал ни звука, чтобы не нарушать размышления своего господина. Рэнсом же… он и хотел бы не думать об этом, но поднявшаяся в нем обжигающая волна тошнотворного презрения не давала забыть. Можно отшвырнуть это письмо и сделать вид, что не получал его. Подождать. И тогда старик умрет, и не нужно будет…

Рэнсом стиснул зубы. Проклятое обещание.

– Милорд? – наконец решился заговорить Квентин. – Гонец сказал, это очень важно. Вашего ответа ждут.

– А если мой ответ – «нет»? – бросил Рэнсом, не оборачиваясь.

– Ваш ответ не может быть таким. Если вопрос таков, как я думаю.

Рэнсом обернулся. Квентин сидел на краешке кресла, печальный и нахохлившийся, словно седой филин.

– Ты полагаешь, что здесь есть вопрос? – Рэнсом потряс зажатым в кулаке скомканным листком. – Это требование. Требование сорваться и, не думая ни о чем, нестись к смертному одру старикашки, с которым я никогда не встречался. Он меня терпеть не мог, хотя не видел ни разу. Он лишил моего отца всего, что принадлежало тому по праву, но не смог отречься от наследника совсем. А теперь граф умирает, и его внуку дарована неслыханная милость – явиться и лицезреть сие чудо. И он называет меня наследником, подумать только! Да пусть катится к морским ведьмам со своей милостью!

Рэнсом тяжело дышал, как после долгого бега. Ярость душила его. Он почти забыл о ней за годы, прошедшие после смерти родителей, запрятал в самый дальний угол души и полагал, что на этом все. Он не интересовался судьбой своего деда. Как и дед не интересовался его судьбой. Рэнсом не думал, что граф о нем все-таки вспомнит.

А теперь, когда это произошло, ехать не хотелось.

– Милорд, – мягко произнес Квентин, – я понимаю ваши чувства. Однако вы дали обещание отцу и не должны нарушить его.

– Я знаю. – Рэнсом вновь отвернулся.

– В таком случае, мне велеть заложить экипаж для путешествия в Лондон?

– Не так быстро. Мне нужно это осознать. – Он помолчал. – Имеет ли смысл ехать, Квентин? После стольких лет? Или это новая шутка, очередное издевательство с его стороны?

– Не думаю. На смертном одре не шутят.

– Ха! Только не старик граф. Если он выгнал отца и тридцать лет не поддерживал с ним связи, что же заставило его раскаяться? Ведь мать писала ему, когда отец умирал. Писала – и не получила в ответ ни строчки.

– В тот момент он был здоров. Близость смерти меняет людей.

– Близость сыновней смерти его не изменила, – отрезал Рэнсом.

– Вы должны поехать, милорд. Ради памяти своего отца.

– Ради памяти… – горько сказал он. – Конечно.

– Мне велеть подготовить экипаж?

– Упаси господи, Квентин. Я пойду на «Счастливице».

Глава 2

Карета подпрыгнула на очередном ухабе.

– Ты снова чем-то недовольна, Мэгг.

Леди Ливермор неодобрительно покачала головой, укоризненно глядя на свою единственную дочь.

– Мама, мне совсем нечему радоваться.

Мэгг поправила выбившуюся из прически темную прядь и спрятала руки в муфту. Ей не хотелось разговаривать, но разве с матерью прекратишь отвечать вот так, по собственной воле? Да никогда.

– Уэстморы устроили такой великолепный вечер в честь помолвки своей Минни. – Леди Ливермор, как и предполагалось, не пожелала оставить дочь в покое.

– Надеюсь, Минни повезет больше, чем мне, – Мэгг рассмеялась, но это был такой смех, от которого мурашки пробегали по коже.

– Ах, Мэган! – всплеснула руками леди Ливермор.

– Я устала, мама. Давай немного помолчим.

Тишина длилась ровно три минуты, до очередного ухаба. Леди Ливермор просто физически была неспособна молчать.

Дома Мэгг едва смогла дождаться, пока останется одна. Общество и званые вечера надоели ей уже пару лет назад, а бесконечная болтовня матери казалась невыносимой. Сегодняшнее торжество в честь оглашения помолвки стало последней каплей. Так больше продолжаться не может. Надо что-то делать.

Эта мысль не давала Мэгг покоя уже больше года, но лишь сегодня беспокойство и желание что-то изменить сделались невыносимыми. Минни выглядела такой счастливой и довольной, что Мэгг едва не взвыла. Четыре года! Прошло целых четыре года с тех пор, как она сама стояла перед гостями, рука об руку с Артуром, и улыбалась присутствующим. Тогда вся жизнь казалась такой понятной и предсказуемой… Судьба же рассудила иначе. Нет, не судьба, отец. Филипп Ливермор ошибался редко, но в этот раз он совершил роковую ошибку. Мэгг натянула одеяло до самого носа и постаралась не разреветься. Воспоминания о смерти любимого отца всегда заставляли ее проливать слезы.

Лишь однажды Мэгг едва не поссорилась с отцом – как раз по поводу Артура и помолвки. Нет, папа одобрил Артура Мэдлока, юношу из хорошей семьи, офицера, подающего надежды. Конечно, была вероятность того, что придется проводить дочь с мужем в Индию, но это не казалось таким уж ужасным. Но спустя полгода после помолвки, когда Мэгг уже вовсю выбирала подвенечное платье, Артур объявил, что его полк отправляют в Китай. И тут лорд Ливермор уперся. Мэгг пыталась убедить отца в том, что готова перенести немного трудностей, лишь бы находиться рядом с Артуром, но все бесполезно. Лорд Ливермор настоял на том, чтобы свадьбу отложили до возвращения жениха с Востока. Прошло уже четыре года, но Мэгг все еще ждала его. Редкие письма приходили, но последнее доставили уже почти год назад, с тех пор от Артура не было ни слуху ни духу. Мэгг даже обращалась в Военное министерство, но там ее уверили, что лейтенант Мэдлок жив и здоров, по крайней мере был таковым полгода назад, когда из Китая пришел очередной рапорт. То, что в восточных морях идет война, никого особо не беспокоило, а ведь погибнуть там очень легко, полгода – большой срок.

Как только умер отец, мама, никогда не одобрявшая выбор дочери, начала намекать на то, что помолвку можно и расторгнуть ввиду долгого отсутствия жениха. Мэгг делала вид, будто не понимает намеков, но недавно леди Ливермор перешла к активным действиям: принялась знакомить дочь с молодыми людьми, вывозить на балы и званые вечера, поощ-

ряя претендентов. Все это сделало жизнь девушки совершенно невыносимой. Променять Артура на одного из этих напомаженных щеголей? Мэгг искренне любила своего жениха и не собиралась его предавать. Артур вернется – и все будет хорошо. Но прошло уже целых четыре года… Ожидание стало нестерпимым.

За завтраком Мэгг дождалась, пока слуги выйдут, и начала обдуманный ночью разговор. Не зря она не спала почти до утра, составляя план. Как ни странно, утром он не перестал казаться неосуществимым. Немного безумным, да, но это Мэгг не пугало.

– Мама, я решила, что пришло время покончить с этой бесконечной помолвкой.

– Мэган! – Белинда Ливермор даже уронила тост в чай. – Наконец-то!

– Это не то, о чем ты подумала, мама.

Леди Белинда продолжала щебетать, не обращая внимания на слова дочери:

– Я так рада, надеюсь, что ты выберешь одного из Виллингхемов, они все такие замечательные юноши. Конечно, ты слегка уже… не в возрасте, но это не имеет значения, ведь ты наследница…

– Мама! Перестань! Дай мне сказать! – Мэгг повысила голос, едва не закричала. С леди Белиндой иногда бывало совершенно невозможно разговаривать.

– Что? Ах, прости! – Матушка улыбнулась. – Что ты хотела сказать?

– Я не собираюсь расторгать помолвку. Я намерена отправиться к Артуру и выйти за него замуж!

– Но это же невозможно! – ахнула мать.

– Я все обдумала. Я обращусь в министерство и попрошу устроить мне переезд в Гонконг. По последним сведениям, полк Артура расположен именно там. Я выйду замуж и буду жить с мужем. Вот и все.

– Я запрещаю тебе даже думать об этом! – воскликнула леди Белинда. – Это совершенно невозможно и даже неприлично!

– Не вижу ничего неприличного в том, чтобы выйти замуж за своего жениха, с которым я помолвлена уже четыре года, – Мэгг начинала злиться. – А вот продолжаться по-прежнему больше не может. Скоро надо мной уже будут открыто смеяться. Вечная невеста.

– Ничего подобного! – возмутилась леди Белинда. – Ты же сама видишь, сколько мужчин были бы рады сделать тебе предложение. Иногда стоит смотреть вперед, а не оглядываться на прошлое.

Мэгг перевела дыхание, чтобы ответить спокойно. Какой смысл доказывать матери, что все те претенденты, о которых она говорит с таким восторгом, или непроходимо глупы, или напыщенны и не видят дальше своего носа, или думают о нарядах больше, чем женщины? Зачем ей эти люди? У нее имеется жених, и пора с ним воссоединиться.

– Я и смотрю вперед, мама. Я хочу выйти замуж за Артура. В конце концов.

– Я не позволю тебе ввязаться в эту авантюру! – перешла на повышенные тона леди Ливермор.

– Я совершеннолетняя. – Мэгг умела настаивать на своем. – И у меня есть наследство бабушки и те деньги, что оставил лично мне папа. Если ты откажешься мне помочь или попытаешься запретить – я все сделаю сама, но, мама, ты же не заставишь меня пройти через все это одну? Ты же не бросишь свою дочь?

Леди Белинда всхлипнула и приложила к глазам платочек.

– Конечно, нет, дорогая. Завтра же отправляемся в Лондон, и, клянусь памятью твоего отца, моего любимого Филиппа, не пройдет и месяца, как ты уже будешь на пути к своему Артуру.

– Я прикажу готовиться к переезду в Лондон, – Мэгг отложила салфетку и встала из-за стола. У нее получилось!

Впрочем, особых трудностей при разговоре с матерью Мэгг не предвидела. Трудности начнутся теперь. Но она все преодолеет. Ради Артура.

– Иди, распорядись, – махнула рукой леди Белинда. – Хоть я никогда и не одобряла этого Мэдлока, но раз уж ты его так любишь…

– Именно, мама, я его люблю.

Глава 3

«Счастливица» вошла в устье Темзы на рассвете. Солнце только-только показалось над горизонтом, и вокруг стоял густой туман, постепенно наливавшийся золотом. Затем туман поредел и рассеялся, открыв серую гладь реки, снующие по ней лодки, парусники в порту. Похоже на Клайд – и непохоже; город, стоявший на Клайде, Рэнсом любил, а этот – ненавидел всем сердцем.

Нет, Лондон не сделал ему ничего плохого. Но так получилось, что все темные и тяжелые мысли оказались связаны именно с ним. Воспоминания об отце, о матери, о том, что им принадлежало ранее и что было у них отнято, – все это Рэнсом прекрасно знал. Родители не считали нужным скрывать от единственного и любимого сына подробности семейного скандала, который заставил наследника графа Сильверстайна покинуть Лондон и никогда больше не возвращаться к своему высокомерному отцу. Ни слова за многие годы, ни строчки. Рэнсом никогда не видел деда, но не любил его – как тщательно взлелеянный образ зла. Дед был злом, о да. Чуть-чуть поменьше дьявола, чуть-чуть побольше нечистого на руку купца. Рэнсом и презирал его, и ненавидел. Он не мог знать, каков граф Сильверстайн на самом деле, однако видел печаль отца, который столь многое потерял. Хотя отец утверждал, что немногое и что гораздо больше приобрел. С этим Рэнсом не мог не согласиться: счастливее пары, чем мать и отец, он не видел никогда.

А теперь нужно встретиться с дедом, который молодому Сильверстайну и даром не нужен.

Стоя на капитанском мостике «Счастливицы», Рэнсом не мог отделаться от чувства, что корабль вместе с ним затягивает в гигантский водоворот, в котором поджидает морское чудище.

Рэнсом наблюдал за тем, как первый помощник Джим Таннерс гоняет матросню, как судно маневрирует, заходя в порт. Капитан редко выпускал командование из рук, однако сегодня был именно такой день. Он почти не слышал ни команд, ни грозного рыка боцмана. Хотелось приказать немедленно разворачиваться и плыть отсюда подальше. Поздно: с борта на берег полетели швартовы, гулко ударились о причал утяжеленные огоны.

– Швартовы приня-ать! – заорал рядом Таннерс.

Кто-то из портовых рабочих уже наматывал трос на кнехт. Матросы спрыгивали на причал, «Счастливица» гулко вздыхала. Рэнсом не стал дожидаться, когда подадут трап, и последовал за матросами. И сразу увидел невысокого кругленького человека, стоявшего чуть поодаль. Типичный сухопутный житель рассматривал шхуну, как заморскую диковинку, скользил глазами от бушприта к корме, от клотика к ватерлинии. Рэнсом подошел быстрым летящим шагом, резко бросил:

– Мистер Уэстли – это вы?

– Лорд Сильверстайн! – Управляющий поклонился, выпрямился и уставился на Рэнсома с жадным интересом. – Прошу вас, следуйте за мной. Граф очень плох, и лучшие лекари сражаются за его жизнь. Он твердо намерен протянуть до того мига, когда вы появитесь, однако…

– Однако вы слишком много говорите, – прервал его Рэнсом. Он был сам себе противен в этот миг. Но мистер Уэстли воспринял окрик как должное.

– Прошу меня извинить, действительно, я забылся. Следуйте за мной, милорд.

Рэнсом пошел за Уэстли, не отрывая взгляда от его жирной клетчатой спины. Это помогало сосредоточиться на предстоящей задаче. Не хотелось приступать к ней, будучи полным желчи. Рэнсом всегда считал себя человеком, который может держать свои чувства под жестким контролем. И сейчас он поступит так, как того требует честь.

Особняк Сильверстайнов оказался огромным. Отец мало и скупо говорил о родном доме: видимо, не желал расстраивать жену и сына, а может, и сам не хотел вспоминать о том, что у него отняли. Как бы там ни было, дом произвел на Рэнсома впечатление величественное и… гнетущее. Когда молодой человек вошел в гигантский холл, весь пронизанный холодом, ему показалось, будто он вступил в склеп. Этому месту определенно не хватало жизни. Да откуда бы ей взяться, если сердце человека, который заправляет здесь всем, умерло много лет назад?

Уэстли направился к лестнице на второй этаж, Рэнсом шел следом. Рука коснулась отполированных перил и заскользила по ним, эхо шагов по мраморным ступеням металось среди стен. Рэнсом видел темные гобелены, уже весьма испорченные молью и временем, на которых сребролики девы склоняли головы перед рыцарями в тусклых доспехах. Люстра на мощной цепи под потолком, подсвечники с пыльными свечами… Здесь давным-давно не устраивались званые вечера, давно не звенели бокалы, не сияли драгоценности женщин, не лилось вино. Дом замер и дряхлел, как старый дуб на обочине дороги. Рэнсом ощущал это столь отчетливо, будто заходил сюда каждую неделю.

Может быть, это память предков?..

В нем ничего не отзывалось, было просто холодно и неуютно.

Пройдя длинным коридором, мистер Уэстли распахнул одну из массивных дверей и с поклоном пропустил Рэнсома вперед.

Это была спальня, такая же старая и запущенная, как и то, что Рэнсом уже видел здесь. Он вошел, и мистер Уэстли, поманив за собою врача, стоявшего у массивной кровати, закрыл дверь с другой стороны.

И вот Рэнсом остался наедине с дедом.

Следовало подойти, что-то сказать. Рэнсом приблизился и понял, что говорить он, конечно, может, но вот будет ли это иметь какой-то эффект?

Образ зла, что он рисовал в своем воображении все эти годы, не имел ничего общего с тем, что лежало на кровати. Назвать это человеком язык уже не поворачивался. Высохшая оболочка, в которой по недоразумению еще теплится жизнь, словно одинокая свеча в домике на болотах. Пергаментная кожа, покрытая старческими пигментными пятнами, худые руки поверх теплого одеяла, скрюченные пальцы напоминают когти… Рот приоткрыт, сквозь зубы вырывается тяжелое, смрадное дыхание. И пахло в комнате похуже, чем в иных доках. Рэнсома передернуло. Он ожидал увидеть умирающее величие, но встретил только жалкое подобие того, что ненавидел всю жизнь, даже не зная.

И этот человек выгнал его отца? Этот человек был тем, из-за кого Александр Сильверстайн лишился того, что полагалось ему по праву рождения? Вот это недоразумение?

Тут старик открыл глаза – и Рэнсом понял, что ошибся.

Острый, режущий взгляд, которым граф Сильверстайн наградил внука, не подходил к этой высохшей оболочке. Рэнсом понял: старик умирает потому, что пришел его срок, однако, будь его воля, он провел бы на этом свете еще не одну сотню лет. Но природа взяла верх, смерть пришла и потребовала свое, и сейчас нужно ей подчиниться.

– Ты… – прохрипел граф, едва вытолкнув это слово между сухими губами.

– Вы хотели видеть меня, – холодно произнес Рэнсом.

– Дай… воды.

Рэнсом передернул плечами, однако взял со стола глиняную чашку с водой и поднес к губам старика. Тот приподнялся, и Рэнсом, не прикасаясь к нему, помог ему напиться. Осушив чашку, граф вновь откинулся на подушки.

– Так лучше. – Он провел языком по губам. – Значит, ты таков.

Голос его окреп.

– А что вы ожидали увидеть?

– Похож. На отца, не на нее. Это хорошо.

– Что вам нужно? У меня мало времени.

– Лжешь, – усмехнулся граф. – Раз приехал, время есть. Садись. – Он еле заметно шевельнул рукой. – Так легче смотреть на тебя.

Рэнсом приехал не для того, чтобы облегчать старому стервятнику жизнь, однако просьбу исполнил. Около кровати стояло кресло, в котором, по всей видимости, обычно сидел врач или слуга, присматривавший за графом, и Рэнсом опустился на краешек.

– Значит, таков, – повторил граф. Слова вырывались из его губ свистящим шепотом. Рэнсом промолчал: хватит того, что он здесь, что пришел и сел; все остальное – дело старика. – Времени осталось мало. Хочу, чтоб ты мне наследовал.

– Почему? – не задать этот вопрос он не мог.

– Потому что других нет.

– Вы лжете. Есть другие родственники.

– А прямой – ты. И называешь меня лжецом. Хорошо.

Рэнсом уже ничего не понимал в этом бредовом разговоре.

– Говори! – потребовал граф. – Ты ведь ехал сюда, думал, что скажешь. Я слушаю.

И в этот миг – то ли по интонации, с которой это было произнесено, то ли по словам, нанизанным на повелительный тон, как бусины на нитку, – Рэнсом разгадал своего деда.

Да ведь он боится, подумал Рэнсом. Страшно, неотвратимо боится смерти, и вот эта старческая немощь вызывает у него такую ненависть к себе, что ненависть к преступившему сыну – блекнет. И нужно что-то сделать, потому что неясно, как оно там, за чертой. Конечно, Бог. В Бога все верят, только вот почти никто Его не слышал и не видел, а тем, кто слышал и видел, полной веры нет. Значит, шаг в неизвестность, вполне возможно – в пустоту или адское пламя, и не когда-нибудь в необозримом будущем, а уже сегодня, завтра, послезавтра – сколько удастся еще протянуть.

А где-то есть наследник, в котором течет твоя же кровь, и, может, в этом молодом человеке удастся передать себя, завладеть его душой, оставить после себя хоть частицу – не в крови, но в разуме, в том, что воспоследует. Чтобы и дальше все шло заведенным порядком, домом Сильверстайнов владел Сильверстайн, чтобы дух предыдущего графа вошел в него, как одинокий путник в необитаемый дом. И тогда не так страшно. Не так безнадежно. Тогда ужас, может быть, отступит, а Бог повернется, посмотрит ласково и кивнет.

Глядя в бледные глаза деда, внук читал в них это, словно водил пальцем по строчкам в книге.

Граф ждал.

Рэнсом подумал и засмеялся.

– Тебе забавно? – прошипел старик.

Рэнсом покачал головой.

– Нет, я смеюсь над собой. Сколько лет я думал, что брошу вам в лицо, если мы встретимся. И надеялся, что этой встречи никогда не произойдет. А теперь, когда она случилась, я понимаю, что все упреки, все обвинения, что я мог вам предъявить, вы давно предъявили себе сами. И нашли их, пожалуй, справедливыми, но не раскаялись. Вам страшно раскаиваться. И это самое лучшее, что вы можете мне оставить. Ваш страх и невозможность раскаяния. Теперь я вижу, что Бог все-таки есть.

– Мальчишка! – ахнул граф, задыхаясь. – Да как ты смеешь!

Рэнсом ждал, что ему станет легко, однако легкость не приходила. Он видел, в какие слабые места можно ударить старика, что сказать, чтобы этот несгибаемый человек, упертый в своих решениях даже сейчас, скорчился и, может быть, заплакал. Сломался. Рэнсом мог – и не желал, хотя мечтал об этом полжизни. Но вышло по-иному. Старик позвал его не для

того, чтобы извиниться, не для покаяния. Просто чтобы убедиться, что еще не все потеряно. Вдруг Рэнсом оказался бы таким, как он.

Только Рэнсом был другим. Он привык, что за все решения надо нести ответственность. И никто, даже умирающие, – не исключение.

Он поднялся.

– Мне с вами не о чем говорить, граф. Если хотите оставить мне фамильное состояние и титул, я это приму. Это мой долг, перешедший от отца. Если хотите, чтобы я извинился за отца, – вы не дождетесь этого. Он всегда был в моих глазах героем, в отличие от вас. И я не стану унижать его память, идя против его принципов только потому, что вы меня позвали. Я приехал сюда потому, что обещал отцу: если однажды вы меня все-таки позовете, я откликнусь. Если бы не это обещание, вы бы меня не увидели. Потому что мне не нужно от вас ничего: ни милостей, ни вашего родства. Мне все равно. Вы для меня не существуете.

Он лгал: этот человек все еще существовал для него, тяжесть не ушла. И все-таки Рэнсом ощущал себя свободнее, глядя в глаза графу и произнося спокойным голосом безжалостные слова. Он видел, как старик принимает их, и осознавал, что ломает его последние надежды. Но этот человек не был Рэнсому близок. Их связывало только кровное родство, которое меркло перед дружескими связями. Рэнсом знал столько хороших людей, что не мог поверить, будто мир состоит сплошь из подлецов. Подлецы встречаются, только они умирают в одиночестве. Этот человек сам навлек на себя душевное проклятие и только сейчас, по всей видимости, задумался, как провел свою жизнь, хотя следовало бы много раньше. Ведь отец ждал, всю жизнь ждал. И если бы граф позвал, лорд Сильверстайн поехал бы и простил, и жена с сыном смирились бы с таким положением дел. Потому что любили. Потому что отец всегда был для Рэнсома самым лучшим и самым правильным и для Вероники – тоже. Но теперь, когда отца нет, у Рэнсома не осталось долгов перед дедом. И снисхождения не осталось.

– Ты… ты… – часто дыша, граф приподнял руку, распрямил скрюченные пальцы.

– Я ваш наследник, – усмехнулся Рэнсом, – тот, какого вы заслуживаете. Чего вы еще от меня хотите? Формальности будут выполнены.

– Я… – Дед отдышался и слабо покачал головой. Взгляд, все еще живой и острый, был нацелен на Рэнсома, как шпага. Интересно, будь у старика под рукой оружие, попытался бы он убить? Нет, этот человек всегда предпочитал злое слово.

– Все? – холодно спросил Рэнсом.

Он понимал, что дед ждет от него вспышки, громкого крика, тщательно взлелеянных обвинений. Это помогло бы взломать лед отчуждения, возможно, сделать шаг навстречу друг другу и – невероятно, но вдруг? – простить. Но Рэнсом не ощущал себя готовым простить, а лгать умирающему – грех. Конечно, следовало бы поступить по законам Бога, отпустить этот камень из ладони. Увы, увы! Человек слаб. И Рэнсом чувствовал, что ненависть сильнее его.

Граф молчал. Тогда Рэнсом развернулся и вышел.

Глава 4

Все в этом доме было ему неприятно и непонятно. Слуги смотрели на Рэнсома испуганно, как будто на вампира, что вылез из закоулков диковатой легенды и с наступлением полуночи должен всех перекусать. Ему отвели комнату недалеко от покоев деда – старую, запущенную спальню, наспех протопленную, так как в доме стояла сырость, – и подали обед в маленькой столовой. Овощи были переварены, мясо – недожарено. Рэнсом поковырялся немного, затем оставил бесполезные попытки насытиться невкусной пищей, взял трость и треуголку и вышел из дома. Слуги и пискнуть не успели.

Рэнсом поймал кеб и велел ехать в район порта. В Лондоне он вместе со «Счастливицей» бывал два раза, но центр, где вдоль помпезных зданий прогуливались скучающие аристократы, не любил. Зато портовый район изучил неплохо и знал, где можно скоротать вечер, чтобы тебя не тревожили.

Он отпустил кеб у трактира «Два топора» и вошел внутрь, в пропитанное густыми запахами нутро приземистого домишки. Тут пахло мясом (прожаренным!), пивом, луком и людьми – а люди в порту пахнут так себе. Однако для Рэнсома подобная обстановка была привычной. Он помахал трактирщику – вряд ли тот его помнил, тем не менее вежливость не повредит, – и уселся за один из столов в центре. Обычно Рэнсом предпочитал место в углу, чтобы обозревать все вокруг и держать спину прикрытой, но сегодня ему было решительно все равно. Осадок от разговора с дедом все никак не желал исчезать.

Рэнсом заказал бараньи ребрышки, овощи, свежий хлеб и кружку пива, получил это все, ущипнул за задницу веселую крутобокую служанку и принялся за еду, не переставая размышлять.

Ему не было жалко деда. Рэнсом все пытался отыскать в душе эту обязательную христианскую жалость, перебирал свои чувства – весьма немногочисленные, так как тонко чувствующим человеком себя не считал, – словно бобы в горшочке. Нет, не было жалости. Только брезгливость и желание, чтобы все поскорее завершилось. Чтобы эта нудная, как зубная боль, история осталась позади. Чтобы дед умер наконец. Какое это будет облегчение – и для самого старика, и для Рэнсома. Лишь сейчас он понял, что устал ненавидеть бесплотный призрак. Он перестал ненавидеть, как только призрак обрел плоть. Но простить все же не мог.

Отец, Александр Сильверстайн, всегда говорил, что человек должен быть милосерден. Именно поэтому он вернулся бы, если б дед позвал. Из милосердия. Только вот Рэнсома он этому все же не научил: внук знал, что во имя Христа должен простить деда, и не находил в себе сил для этого. Может, когда-нибудь…

Да, но деду нужно сейчас.

А какое кому дело, что ему нужно?

Рэнсом усмехнулся, покачал головой и отхлебнул еще пива. Нет ничего удивительного в том, что граф Сильверстайн сумел вызвать стойкое чувство отторжения у своего внука. Дед поистине талантлив.

О наследстве Рэнсом не думал. Совсем. Он никогда на него не рассчитывал и решил до поры до времени вести себя так, будто дед ему ничего не завещал. Да и не был он осведомлен о размерах состояния Сильверстайнов. Отец, сделавший себе имя на ровном месте, тоже об этом не говорил.

Рэнсом хорошо помнил тот разговор…

Александр Сильверстайн остановился на причале, держа сына за руку. Рэнсом с любопытством оглядывался по сторонам – и никак не мог наглядеться. Мачты парусников, каза-

лось, протыкали небо и задевали солнце, такими высокими они казались пятилетнему мальчику. И вокруг кипела такая громкая, грязная, но прекрасная жизнь, что Рэнсом чувствовал себя на седьмом небе. Отец впервые взял его с собой в доки, решив, что сын достаточно подрос. И теперь Рэнсом впитывал впечатления, как впитывает дождевую воду ссохшаяся земля.

– Видишь? – Александр указал на двухмачтовую шхуну, которая была почти готова. – Это наш первый корабль. Только первый. Его имя «Геспер».

– А что это значит?

– Это имя из истории греческих богов. Геспер был то ли сыном, то ли братом Атланта, унесенным ветром и превращенным в прекрасную звезду. Наш корабль будет плавать под звездами, и мне хотелось, чтобы он носил красивое имя.

– А это наш корабль?

– Да, малыш. Он принадлежит мне, тебе и маме.

– Мама его видела?

– Конечно. Он ей очень понравился. Но однажды я построю и другую шхуну. Шхуну, которая будет носить ее имя…

Отец исполнил свое обещание. Шхуна «Вероника» была возведена на верфи в Глазго и отправилась в плавание в мае 1820 года. В сентябре 1839-го она погибла во время плавания через Индийский океан, сгинув в объятиях внезапно налетевшей бури. Когда пришло известие об исчезновении шхуны, Рэнсом как раз хоронил мать, тихо и незаметно сошедшую в могилу следом за отцом. Наверное, Вероника Сильверстайн сочла бы гибель корабля знаком. Сочла бы… но не успела.

Рэнсом отодвинул опустевшую кружку. Лица отца и матери виделись ему сейчас столь отчетливо, как будто он говорил с ними пять минут назад. А может, так оно и было: ведь обращение к столь сильным, ярким воспоминаниям – своего рода разговор. Воспоминания были убежищем. Иногда. Потому что обычно Рэнсом полагал, что ему не нужно прятаться от превратностей судьбы.

Он расплатился и вышел на улицу, в загустевшие сумерки Лондона. Пора возвращаться в дом, похожий на склеп, и исполнять свой долг.

Рэнсома разбудили посреди ночи. Уэстли стоял у постели со свечой в руке.

– Граф умирает… Вы нужны там…

Рэнсом спал, практически не раздеваясь; он сунул ноги в сапоги, застегнул жилет и пошел следом за осунувшимся Уэстли. Дом сморила мертвая тишина, по коридору тянуло запахом лекарств и ладана.

Дед хрипел на огромной постели, метался в бреду, выталкивал сквозь зубы неразличимые уже слова. Слева от постели стояли лекарь и священник; последний шептал молитвы, но Рэнсом не стал вслушиваться в монотонный перестук фраз. Он подошел справа и остановился, глядя в лицо деду.

Вот таким его и следует запомнить. Да Рэнсом и не знал его другим. У отца даже портрета не сохранилось, и вряд ли Александр горел желанием повесить портрет графа в своем новом доме… А Рэнсому останется лишь эта память: пляска пламени на фитилях толстых свечей, унылые лица доктора и мистера Уэстли, бормотание священника и похожее на череп лицо умирающего.

Дед затих, и на миг Рэнсому показалось, что он умер. Молчание было как застоявшаяся вода. Граф снова дернулся, открыл глаза, повел мутным взглядом и, увидев внука, прищурился, словно кот на солнце. Сизые губы шевельнулись.

– Что? – священник склонился к нему. – Вы хотите помолиться, сын мой?

Нет, он не хотел. Граф смотрел на Рэнсома в упор, как будто внук был кем-то вроде Люцифера, пришедшего забрать его темную душу. Пальцы-когти царапнули одеяло, из горла вырвался неясный хрип… На третий раз Рэнсому удалось расслышать слово.

– Прости…

Он присел на край кровати, взял в руку пальцы деда. Не хотелось этого делать, но как отступишь перед лицом смерти? Как себя потом оправдаешь?

– Я прощаю вас, – негромко произнес Рэнсом, – за себя и за отца. Идите с миром.

Еле заметная улыбка тронула губы графа Сильверстайна, и в следующий миг его глаза остановились, словно у деревянной куклы, и жизнь разом ушла из тщедушного тела. Рэнсом выпустил руку деда и встал. Он поступил так, как хотел отец и как велит Бог, но прощение было ненастоящим. Фальшивка, которую граф принял за чистую монету. Пусть так. Может, это и не самая страшная ложь.

Может, за это на том свете простится – зато священник и мистер Уэстли смотрят одобрительно. Ах да, им же это выгодно.

Рэнсом развернулся и вышел. Проводить ночь у бездыханного тела он посчитал излишним.

Похороны назначили через неделю.

Следовало отвезти тело деда в Сильверстайн-Мэнор, чтобы упокоить навеки в семейном склепе. Также нужно было разобраться со внезапно свалившимся наследством, и это, как полагал Рэнсом, будет похуже водоворота.

Его начало затягивать сразу, как только он попытался вникнуть в суть дела.

Мистер Уэстли, ставший невероятно обходительным, на следующий же день после смерти старого графа взялся вводить нового в курс дел.

Оказалось, что, помимо родового поместья Сильверстайн-Мэнор, графу принадлежит уйма недвижимости, несколько фабрик, парочка небольших судов и солидный счет в банке. Все это весьма порадовало бы человека алчного, а вот Рэнсома ввергло в тоску, так как он не собирался всем этим управлять.

Он не мыслил своей жизни без моря. Он дышал морским ветром и иногда всерьез проверял, не выросли ли у него еще жабры. Он не мог себе представить, что останется прикован к земле, словно каторжник к чугунному ядру, и не сможет больше совершать путешествия на «Счастливице» – любимом своем корабле. А ведь есть еще «Геспер», самый первый, и «Морская волчица», и «Стригунок», только что отплывший с грузом в Индию. Корабельщик Сильверстайн не желал становиться светским львом графом Сильверстайном и посещать глупые балы, когда на свете существует море.

Но мистер Уэстли, конечно же, полагал иначе.

С самого утра он ходил за Рэнсомом по пятам и наконец загнал его в весьма запущенную комнату, оказавшуюся дедовым кабинетом. Тут дух почившего старика ощущался особенно остро. Не из-за запаха или лекарств, а из-за того, что он проводил здесь много времени, как пояснил мистер Уэстли. Управляющий заставил Рэнсома усесться в кресло и принялся подробно втолковывать ему все его новые обязанности. Коль уж начались неприятности, то они будут продолжаться, пока не переменится ветер.

– Подождите, – прервал Рэнсом пламенную речь мистера Уэстли где-то на пятнадцатой минуте. – И что же, я должен теперь все это делать?

– Должны, милорд, должны.

– Кому?

Этот вопрос поставил милейшего мистера Уэстли в тупик.

– Семье, я полагаю. Вы же Сильверстайн. Вы просто обязаны…

– Какой семье? Я никого не знаю.

– Так это дело поправимое; уже завтра приедут ваша двоюродная тетя, миссис Норман, и ваш кузен, лорд Норман. Я написал им еще вчера.

– Зачем?

– Но ваш дед умер. Они захотят присутствовать на похоронах.

– Они могли бы отправиться в Сильверстайн-Мэнор.

– Да, но пока мы в Лондоне…

– Вы тоже туда отправитесь и проследите, чтобы похороны прошли, как полагается.

Мистер Уэстли схватился за сердце. Рэнсом заподозрил его в склонности к театральным эффектам.

– Вы не собираетесь присутствовать на похоронах своего деда, милорд?!

– Нет, – отрезал Рэнсом. – Мне совершенно не хочется куда-нибудь ехать и затягивать свое пребывание здесь. Тем более торжественно хоронить человека, который выгнал своего сына из дома и тридцать лет не желал с ним общаться. Все, что от меня требовалось, я уже проделал. Давайте завершим те дела, которые нужно завершить, и закончим с этим.

– Но… но… вы же наследник!

– Что это означает, мистер Уэстли? – прищурился Рэнсом. Если бы он знал, как сейчас напоминает деда, наверное, это бы ему не понравилось.

– Вам принадлежит все имущество Сильверстайнов…

– И я могу делать с ним что угодно?

– Да…

– Тогда я хочу его продать.

Мистер Уэстли потрясенно помолчал, потом сказал серьезно, без театральности:

– Милорд, при всем уважении к вам, которое я испытываю, несомненно, с первой минуты нашего знакомства, ваше желание не так легко осуществить. Во-первых, майорат не продается. Он – наследие вашего рода, от этого вы не можете избавиться при всем желании. Закон не позволит. Все остальное, разумеется, может быть продано, однако на это потребуется время.

– Сколько?

– Около месяца, я полагаю. Или больше.

– А если поторопиться?

– Милорд…

– Я не хочу задерживаться в Лондоне больше, чем необходимо, мистер Уэстли. Сколько?

– Две недели.

– Очень хорошо. Мой дед, судя по всему, доверял вам; пускай так и остается. Я желаю продать все, кроме майората.

– Но фабрики приносят хороший доход, и владения близ Брайтона…

– Все, кроме майората, мистер Уэстли, пустите с молотка. Мне безразлично, сколько я на этом потеряю. Время – вот главное.

– А этот особняк? – умоляюще сказал Уэстли.

– Его – в первую очередь. Мой майорат – это Сильверстайн-Мэнор, не так ли? Ну, а это просто старый дом, и весьма обветшавший к тому же. – Рэнсом поднялся и нахлобучил треуголку. – С молотка, мистер Уэстли. С молотка.

Глава 5

Он не остался на ночь в доме деда и возвратился в свою каюту на «Счастливицу». Команда во главе с Таннерсом встретила своего капитана восторженно.

– Когда отплываем, сэр?

– Какой курс, сэр?

– Тихо! – прикрикнул Рэнсом и, когда гомон улегся, сообщил: – Мы остаемся в Лондоне приблизительно на две недели. После этого пойдем в Гуанчжоу или в Макао, это мы узнаем на Мадагаскаре, где я должен получить письмо. Мистер Таннерс, дайте увольнительные на берег.

Команда не обрадовалась, конечно. И Джим Таннерс не обрадовался. Позже, когда Рэнсом в задумчивости ужинал у себя в каюте (приготовленная корабельным поваром каша оказалась гораздо вкуснее пресной пищи в замшелом особняке), первый помощник постучался и вошел, не дожидаясь приглашения.

– Садись, Джим. – Рэнсом пододвинул ему кружку и плеснул туда вина.

– Что на тебя нашло? Ребята удивлены.

Наедине они избегали формальностей, так как дружили давно и крепко.

– Дед умер вчера ночью, – объяснил Рэнсом. – И завещал мне кучу имущества и денег, если я правильно понял его управляющего.

Джим скривился.

– Так что, ты нас теперь покинешь, русалкин сын? Будешь носить бриллиантовую булавку в галстуке и приподнимать цилиндр, когда встречаешь бабу в пышных юбках?

– Не мечтай, так просто вы от меня не отделаетесь. Нужно время, чтобы все это продать, а куда деть деньги – я найду.

– Я-то уж было решил, что ты хочешь от нас сбежать. Не каждый день выпадает быть графом.

– Я бы легко обошелся без этой чести.

Мужчины замолчали.

Рэнсом чувствовал, как вино согревает его изнутри. Здесь, на «Счастливице», все казалось простым, хотя и чуточку неудачным. Неделя плохо началась, вот и все. Скоро это закончится, и он повернет шхуну носом к морю. А пока… У него есть команда и друзья, и пережить то, что случилось вчера, уже гораздо легче.

И, может, этот темный осадок растворится.

Джим – парень простой, но всегда чувствовал настроение друга.

– Что-то ты излишне мрачен.

– Дед был непростым человеком.

– Я помню, ты рассказывал, хоть и немного. Мерзавцем он был, прости меня. Кто ж своего сына, невестку и внука выгоняет из дому? Ему что, было накладно вас содержать?

Рэнсому стало смешно.

– Судя по той кипе бумаг, в которых описано мое новое имущество, – не накладно.

– Тогда он был подлецом. Он перед тобой извинился?

– Хотел, чтобы я извинился. Не вышло.

– Вот старый хрыч.

– И не говори. Попросил прощения перед самой смертью.

– Ты простил?

– Словами – да. Здесь, – он коснулся ладонью груди, – нет.

– Ну так и забудь. Эх, выйти бы сейчас в море, свежий ветерок выдул бы из тебя эту дурь. Но раз ты говоришь, что нужно сидеть, будем сидеть тут, притворимся сухопутными крысами.

– Потерпи, Джим. Я написал Колуму, что вынужден был идти в Лондон. Возможно, Колум остановится здесь на пути из Венеции. Но, скорее всего, в Англию он не вернется, и увидимся мы уже в Китае. Все-таки там война, Дирк Струан там…

– Я еще за вином схожу, – сказал мудрый Джим и исчез.

Рэнсом сидел в любимом кресле, корабль еле заметно покачивался под ним – он чувствовал эту легкую дрожь стен, как дыхание любимой, – и размышлял о том, насколько поразному можно взглянуть на жизнь, лишь сменив место пребывания. В особняке казалось, что все закончилось, выхода нет. Здесь – что все только начинается. А как на самом деле? Время покажет.

Ранним утром мальчишка-рассыльный принес Рэнсому слезное послание от мистера Уэстли. Управляющий молил новоиспеченного графа явиться в особняк к завтраку. Ожидалось прибытие родственников, и этикет не допускал, чтобы леди Норман со своим сыном разыскивала графа Сильверстайна по всему порту. На Темзе полно грубых грузчиков, а их речь для ушей леди смерти подобна. Если его светлость не желает, чтобы его двоюродная тетка умерла в страшных мучениях, следует появиться немедля и в надлежащем виде.

Рэнсом вздохнул и понял, что так просто его не отпустят.

Он надел свой единственный «светский» костюм; по счастливому совпадению, тот был черным, что оправдывало Рэнсома в глазах общественности. Новый граф вовсе не стремился носить траур по графу старому, однако, если он собирается покинуть здешнее общество как можно скорее, нужно стать как можно незаметнее. Прикинуться кем-то другим, а не Рэнсомом Сильверстайном, которого знали все капитаны и некоторые пираты нескольких морей. Очень хорошо знали.

Единственное, чем Рэнсом не смог поступиться, это треуголкой. Цилиндр он высокомерно презирал.

В таком виде, придав лицу приличествующее случаю невозмутимое выражение, Рэнсом и явился в дедов… вернее, уже не дедов, а свой особняк.

Там наблюдалась некоторая суета, сразу озадачившая Рэнсома. По случаю траура дом должен был бы укрыться вуалью горя, шторы требовалось закрывать, всем – неторопливо печалиться. Однако по холлу сновали слуги с тряпками в руках, щекастая горничная изо всех сил колотила палкой по бесценному гобелену, поднимая тучи пыли, а встреченная Рэнсомом экономка развела руками:

– Так мы давно этого хотели, милорд!

Вынырнувший из глубин особняка Уэстли пояснил, что политикой старого графа Сильверстайна было воздержание от каких-либо перемен в доме, включая генеральную уборку. Если бы не он, Харольд Уэстли, привыкший держать прислугу в ежовых рукавицах, особняк давно бы зарос по самую крышу паутиной и плесенью.

– Граф не устраивал приемов, – объяснил Уэстли, – и вел замкнутый образ жизни. Ему не требовалось много, однако штат слуг он не сокращал. Я его уговорил. Иначе тут все пришло бы в полнейшую негодность. А теперь, когда вы приехали…

– Мистер Уэстли, – Рэнсом, наступая на него, припер управляющего к перилам лестницы, – давайте поговорим откровенно.

– Давайте, – согласился тот, затравленно озираясь.

– Я не намерен становиться владельцем всего этого и управлять землями и имуществом. Я намерен все это продать. Если вымытый до блеска особняк будет продан выгоднее, чем грязный, – хорошо. Но не нужно совершать усилий, чтобы задержать меня здесь.

Я занимаюсь совершенно другим и не стану менять свой образ жизни только потому, что получил наследство. Мой корабль стоит в порту, и команда ждет не дождется момента, когда мы снова выйдем в море. Известие о том, что дед при смерти, настигло меня, когда я собирался отплыть в Китай. Это путешествие было отложено, но не отменено. Вам все понятно?

– Да, – уныло кивнул мистер Уэстли. – Только, позвольте сказать, милорд…

– Слушаю. – Рэнсом отступил на шаг.

– Вы, я так понимаю, человек другого склада, нежели люди лондонского света. Что ж, может быть, оно и хорошо; однако делу не поспособствует. Во-первых, сознаюсь честно, меня волнует собственная судьба. Во-вторых, вам следовало бы пару раз появиться в обществе, чтобы свет увидел, у кого покупает все графское имущество. Вы ведь не желаете, чтобы пошли слухи, правда?

– Что за ерунда! – бросил Рэнсом, отворачиваясь.

– Прошу вас, удовлетворите мою просьбу. Вы все равно должны чем-то заниматься эти две недели.

– Не беспокойтесь, Уэстли, – сказал Рэнсом, направляясь в сторону кабинета, – я найду себе дело.

Сидя за дедовым столом, он некоторое время задумчиво обводил взглядом комнату, а затем взял лист гербовой бумаги, обмакнул перо в чернила и начал писать.

Рэнсом составил послание Квентину, своему доверенному лицу, а также еще одно письмо Колуму Струану – о возможной встрече. В письме Струану даже удалось сыронизировать, комически описав то, что теперь происходило. Подумать только! Сколько веселых часов они с Колумом провели в портовых кабачках или в обществе раскрепощенных вдовушек, и никогда Рэнсом не думал, что кто-либо потребует от него участия в светской жизни. Да еще в обществе, к которому он хоть и принадлежал по праву рождения, но отнюдь не по духу.

Александр воспитывал сына настоящим джентльменом. Вероника, хотя и не принадлежала к аристократии до брака с наследником графа, отличалась той внутренней утонченностью, что бывает присуща женщинам вне зависимости от сословий. И Рэнсом вырос таким, каким хотел видеть его отец, – воспитанным молодым человеком, свободным от скованности, которую диктует высшее общество. Конечно, в Глазго они входили в избранный круг. Конечно, ездили на светские рауты, у матери были подруги, отец водил знакомство со знатными людьми города… Но для Рэнсома все изменило море. Настоящая свобода была там, на покачивающейся палубе любимого корабля, а не в стенах шикарных домов. Ему казалось, что высший свет способен погубить его – своей безнадежностью, никчемностью, сплетнями. Рэнсом почти не встречал людей, принадлежавших к аристократии и занятых при этом чем-нибудь полезным, а не распиванием пятичасового чая из фарфоровых чашечек. Пара друзей отца были лишь исключением, подтверждающим правило.

И теперь, с этим неожиданным наследством… Конечно, мистер Уэстли страдает. Ему хочется поработать на нормального хозяина, а не на вздорного старика. Рэнсом искренне надеялся, что новый владелец имущества Сильверстайнов, кем бы он ни оказался, оценит вклад мистера Уэстли в дело и не даст пропасть деловому человеку.

Но заниматься всякой ерундой и посещать светские рауты… увольте.

Впрочем, встреча с тетушкой и кузеном слегка все изменила.

Тетя Лайза и кузен Роберт явились к двенадцати. В это время было принято подавать завтрак, и измаявшийся от голода Рэнсом мысленно проклинал светские обычаи, несомненно, придуманные ленивыми. Родственники оказались вовсе не такими, какими представлял их новоиспеченный граф.

Тетя, весьма пышная особа, обвешанная драгоценностями и сверкавшая, словно сельдь на солнце, была громогласна и улыбчива. Она вихрем влетела в гостиную, где поджидал родственников истомившийся Рэнсом, и, буквально выдернув его из кресла, заключила в душно пахнущие ландышами объятия.

– О, мой мальчик! – протрубила тетя Лайза ему в ухо; ее голос напоминал хриплый рык похмельного боцмана. – О, мой милый маленький мальчик, ну наконец-то, наконец-то мы встретились!

Рэнсом не был готов к столь бурным эмоциям и попытался осторожно вывернуться из объятий тети, однако та не желала отпускать.

– О, милый мой, какой же ты красивый! – она потискала его за щеки, словно младенца.

– Миледи, – холодно сказал Рэнсом, понимая, что этот спектакль нужно прекращать, – к чему это представление? Мой отец никогда не скрывался, и если бы вы пожелали, то всегда могли увидеться с ним в Глазго.

Он не испытывал никакого почтения к новоявленным родственникам и желал побыстрее закончить процедуру приема.

Тетя, конечно, обиделась.

– Вы грубы, мальчик мой! – обвинила она Рэнсома, наконец отступая от него и грозя ему похожим на толстую колбаску пальцем. – Как вам не стыдно! Мы с сыном приехали повидать вас после стольких лет…

Рэнсом впервые обратил внимание на своего кузена. Роберт Норман оказался высок, хорошо сложен и одет щегольски, как и полагается для утреннего визита. Тщательно уложенные светлые волосы придавали его узкому лицу ангельское очарование. Наверняка отбоя не знает от молодых кокеток.

– Здравствуйте, кузен, – произнес Роберт глубоким, хорошо поставленным голосом, и Рэнсом понял, что вот этот родственник ему скорее нравится, чем нет. – Прошу извинить за излишнюю восторженность моей матери. Старый граф объявил вашего отца чуть ли не предателем семьи. Общаться с ним в подобных обстоятельствах было затруднительно, да и не скажу, что легко интересоваться незнакомыми людьми. Вы ведь также не стремились поддерживать связи с семьей?

Рэнсом усмехнулся. Эта дерзость ему тоже пришлась по душе.

– Приятно слышать разумные речи, кузен. Да, мы с вами не встретились бы, не взбреди старому графу в голову идея передать титул и имущество Сильверстайнов мне. Прошу, садитесь. – Он все-таки вспомнил о вежливости и подвел тетю к креслу. Роберт уселся сам.

– Вы совсем не такой, каким я вас себе представлял, – заметил кузен, глядя, как Рэнсом устраивается на кушетке.

– Вы ожидали увидеть дикаря?

– Вроде того. Или человека, напоминающего дядю Александра. Однако вы ни на кого не похожи. Сам по себе.

– Очарователен! – вынесла вердикт тетя Лайза.

Рэнсом начал подозревать, что она не слишком умна. Судя по раздраженному взгляду, которым Роберт наградил матушку, подозрения были вполне обоснованы.

– Как бы там ни было, я рад, что вы наконец-то появились в Лондоне, – закончил кузен.

– К сожалению, не могу с вами в этом согласиться. Мои дела прерваны, и это весьма удручает. Надеюсь вернуться к ним при первой возможности.

– Вы, кажется, владеете компанией, что строит корабли и ведет торговлю на Востоке?

– Вы неплохо осведомлены.

– Это благодаря мистеру Уэстли, он кое-что рассказал о вас. Ничего такого, чего мне не удалось бы узнать самому, напиши я знакомым в Глазго, – поспешил добавить Роберт,

видя, что Рэнсом подозрительно прищурился. – Не вините мистера Уэстли, он очень предан семье. Как бы там ни было, я рад, что дядя Александр не сгинул.

– Не опустился, вы хотите сказать.

Разговор ничуть не забавлял Рэнсома. Он ожидал, что родственники примутся проверять его на прочность, однако не думал, что все будет происходить столь открыто и быстро.

К счастью или к несчастью, вмешалась тетя Лайза, не имевшая сил долго молчать.

– Ах, ну как ты можешь так говорить, Роберт! – воскликнула она и принялась усиленно обмахиваться веером из павлиньих перьев. – Граф – наш родич. Мы никогда не видели его, но в нем течет кровь Сильверстайнов!

– Старый граф Сильверстайн, – сказал ничуть не сбитый с толку лорд Норман, – полагал, что кровь теперь испорчена. Однако я вижу, что нет. Приятно видеть, что старик ошибался.

– Роберт!!!

– Виноват, матушка. Однако это правда. Граф старался, чтобы и мы ненавидели его сына, который поступил по-своему. Что до меня, я никогда не считал нужным жить по чьей-то указке.

– Вы откровенны, – заметил Рэнсом, развеселившись.

Лорд Норман пожал плечами.

– Почему бы и нет?.. Так что же, вы теперь вступите во владение и станете управлять имуществом Сильверстайнов, как завещано предками?

– Предки могут хоть в гробу перевернуться, – сказал Рэнсом, уставший от вежливых формулировок, – меня это не заботит. Я продаю все, что мне досталось, кроме Сильверстайн-Мэнор, и уезжаю.

У тети Лайзы глупо приоткрылся рот. Кузен Роберт хмыкнул и зачем-то поправил манжеты белоснежной рубашки, смотревшиеся идеально.

– Мой мальчик, я не ослышалась? – протрубила тетя Лайза. – Вы хотите продать все? Все?!

– До последнего ярда. Мне нечего делать в Лондоне, и я никогда не собирался становиться землевладельцем. Я моряк – им и останусь.

– Вы работаете на Ост-Индскую компанию? – осведомился Роберт. Казалось, известие о том, что все графское имущество уйдет с молотка, его совсем не удивило. Неужели дотошный Уэстли уже успел поделиться и этой новостью? Впрочем, это же не секрет. Наоборот.

– Нет, я не имел и не желаю иметь к ней никакого отношения.

– Что же тогда? Опиум?

Рэнсом скривился.

– Упаси Господь. Эта война, что идет сейчас в Китае, – пятно на репутации англичан. Никогда не возил опиум и не стану.

– Вы независимый. Так что же тогда?

– Индийский шелк, специи, табак. И чай, конечно же. Китайский чай. Я работаю со Струанами.

– А! Это многое объясняет. Я слышал о них. Авантюристы.

– Верно, – усмехнулся Рэнсом.

Колум Струан, сын знаменитого Дирка Струана, был его другом. Слово «авантюрист» как нельзя лучше к нему подходило, сидело на нем, словно удобная одежда.

Разговор заглох. Тетя Лайза нервно обмахивалась веером, время от времени бросая на Рэнсома осуждающе-обиженные взгляды. Роберт явственно подыскивал тему для беседы. Положение спас слуга, объявивший, что завтрак подан. Обрадованные родственники устремились в столовую.

– Ах, как тут стало хорошо! – Тетя Лайза уселась за стол. – Давно следовало все вычистить!

– Кстати, мы повели себя как полные невежи и не принесли вам соболезнования в связи с кончиной деда, кузен, – заметил Роберт. – Однако я не думаю, чтобы вы слишком-то нуждались в этих соболезнованиях.

Его манера говорить все как есть нравилась Рэнсому.

– Не нуждаюсь, – кивнул он, с удовольствием глядя на омлет. Омлет был горячий, поджаристый и источал просто изумительный запах. Судя по всему, мистер Уэстли со своими реформами добрался и до кухни.

– Как вы можете… – начала тетя.

– Матушка, прошу вас, помолчите, – спокойно сказал Роберт и снова обратился к Рэнсому, не обращая внимания на обиду леди Норман: – Через два дня мы устраиваем прием в нашем загородном поместье. Что-то вроде пикника. Не примете ли приглашение, кузен? Я был бы рад пообщаться с вами в более непринужденной обстановке.

Рэнсом не собирался принимать никаких приглашений, однако после некоторых размышлений кивнул. В конце концов, почему бы и нет? Он отдаст все долги вежливости разом, порадует Уэстли и получше узнает кузена, насчет которого начал оформляться некий смутный план.

Глава 6

– Боже, – сказала Этель, лучшая подруга Мэгг. – Боже, боже, боже.

– Не поминай Господа нашего всуе так часто и так громко, – прошептала Мэгг, прикрывшись веером. – Если услышит кто-нибудь из стариков или, например, отец Маккормак, длинной лекции не избежать. Ты этого хочешь?

– Нет, не хочу. – Этель отвела глаза от человека, которого украдкой рассматривала, и тут же снова взглянула на него, не в силах оторваться. – Это же просто неприлично!

– Неприлично, – согласилась Мэгг, – и очень смело.

Она поехала на прием к Норманам, потому что мама так хотела. Просто все уши прожужжала этим «обедом на траве», как витиевато назвали его в приглашении. Обычный пикник, такие часто устраивают в солнечные дни. А день был солнечный, июль плавно перетекал в август, и оставалось еще немного лета, которым нужно насладиться. Мэгг любила тепло, а холод ненавидела всей душой. Что хорошего, когда сверху на тебя сыплется снег или льет ледяной дождь? Что хорошего в том, что сумерки наступают в середине дня?

Именно поэтому ей хотелось уже поскорее отплыть на Восток. Там, говорят, всю зиму тепло. Вот и хорошо. Артур не даст молодой супруге умереть от холода.

– Но он все же… ничего, – прошептала Этель.

– Ничего, – безразлично согласилась Мэгг. Ее занимали другие проблемы, а до гостя и родственника Норманов, этого взявшегося бог весть откуда наследника графа Сильверстайна, ей не было никакого дела.

Конечно, все в свете знали о скандале в семействе Сильверстайнов. Он произошел давно, поэтому успел утратить актуальность. Но даже древности можно выкопать – и вот, пожалуйста, древность лежит, гордо выставленная на солнышко, и сверкает боками. Хотя «сверкает» – не совсем верное слово. Рэнсом Сильверстайн выглядел как угодно, только не блестяще.

По-пиратски он выглядел, если честно. Именно так Мэгг и представляла себе пиратов.

У него было жесткое, словно вырезанное из дуба лицо с тяжелым подбородком, глубоко посаженными глазами и густыми бровями. Глаза тоже были темные, смотрел он исподлобья и настороженно, как старый сторожевой пес. Ходил он чуть враскачку, будто был навеселе – только вот за то время, что подружки за ним наблюдали, Рэнсом и бокала с вином не осушил. А еще ему явно плевать на моду. Простой черный костюм и эта наполеоновская треуголка – словно вызов обществу. Собравшемуся, между прочим, на него поглазеть.

Мэгг фыркнула.

– Он тебе приглянулся? – спросила она.

– Нет. Но он завораживает, согласись.

– Как всякая диковинка. Конечно.

– Он не диковинка, а новый граф, – вступилась за «пирата» Этель.

– Ты же знаешь о его происхождении.

– Не думала, что оно тебя волнует. Прежде мы с тобой никого не осуждали за происхождение.

– А меня и не волнует, – сказала Мэгг, – в отличие от остальных. Матушка с леди Бигстайн по дороге сюда все жужжали и жужжали, как две пчелы. Обсудили все, что знают об этом Сильверстайне, и еще больше выдумали, по-моему. Несомненно одно: его отец женился на купчихе, а старый граф взял да и выгнал наследника вместе с семьей. По-моему, очень некрасиво.

– Но ведь он запятнал себя недостойным браком, – осторожно заметила Этель.

– Запятнал? Да он попросту влюбился, я полагаю. Как любовь может быть пятном на репутации?

– Ты прекрасно знаешь как. Не стоит притворяться, Мэгг.

– О, я не притворяюсь и, конечно же, знаю. Однако разве я не могу питать надежду, что когда-нибудь это изменится?

– Во Франции, – жестко сказала Этель, – твои идеи были очень популярны пятьдесят лет назад. Гильотина насытилась. Ты хочешь, чтобы в мирной Англии произошло то же самое?

– Мирная Англия, – не осталась в долгу Мэгг, – уже второй год ведет войну в Китае. Просто потому, что китайцы не хотят, чтобы мы там торговали, а мы отстаиваем свои коммерческие интересы.

Хорошо, что Артур этого не слышит. В его отсутствие Мэгг набралась из газет черт-те чего. Она прислушивалась к разговорам джентльменов, когда выпадала такая возможность, и относилась теперь к внешней политике Англии весьма скептически. Особенно теперь, когда ей предстояло с головой окунуться в эту самую политику, то бишь – направиться к району военных действий.

Конечно, матушка, хоть и согласилась, была не в восторге. Еще пять дней назад они приехали в Лондон, и леди Ливермор поручила Джойсу, занимавшемуся делами отца, подыскать надежное судно для путешествия в Макао. Пока результатов не наблюдалось: Джойс осторожничал и выбирал, а матушка, как могла, затягивала процесс. В глубине души она явно надеялась, что ее дорогая девочка передумает.

Леди Белинда потащила дочь на этот прием, потому что, во-первых, не могла долго сидеть взаперти, а во-вторых, все еще втайне мечтала, что Мэгг встретит другого единственного и неповторимого и останется с ним в Англии. Тщетные надежды: решимость Мэгг Ливермор не могло поколебать ничто: ни ураганы, ни война, ни отсутствие писем от Артура…

– Тсс-с, – прошипела Этель, – сюда идет лорд Норман. И лучше не рассуждать при нем о торговле с Китаем. Нас не поймут.

– Это их трудности, – буркнула Мэгг и сразу же ослепительно заулыбалась.

На людях ей приходилось делать вид, будто она такая, как все. Мэгг не желала расстраивать матушку, потому что огорчение для милой пожилой леди смерти подобно. Она не желала матери зла и старалась быть паинькой. У нее получалось, в большинстве случаев.

– О, лорд Норман, как мы рады, что вы нас заметили! – прощебетала Этель, протягивая руку. Роберт склонился над кружевной перчаткой. – Ваш прием очарователен!

– Да-да, мы не скучаем ни минуты! – Мэгг оживленно поддержала подругу.

Лорд Норман взирал на них обеих с прелестной снисходительностью, отмечающей лица мужчин, которым выпадает удача – или несчастье – общаться с юными дурочками. Он их обеих в грош не ставил, Мэгг это видела. Да и разве они давали повод думать о себе иначе? Дома Мэгг могла вместе с Этель читать газеты и до хрипоты спорить о торговле опиумом, войне на Востоке и экономических перспективах, однако знала, что с ней случится, если она вздумает заговорить об этом где-нибудь еще. Объявят чудачкой и станут сторониться. Мама расстроится, общество не поймет… К чему такие сложности? Тем более что у нее имеется Артур, и свобода – вот она, рукой подать. Если ей когда-нибудь позволят уехать из Англии… Задумавшись, Мэгг едва не упустила нить разговора – впрочем, до того пустого, что можно было присоединиться в любой момент.

Этель щебетала что-то о погоде, порхающих вокруг бабочках и цветущих розах – последним был посвящен целый абзац восторженных восхвалений. Мэгг снова перестала слушать до того мига, когда уловила:

– …Но не представите ли вы нас графу Сильверстайну?

– Да-да! – оживилась Мэгг, снова растягивая губы в улыбке. – Это было бы замечательно!

Лорд Норман с сомнением покосился вбок, где молодой граф с невозмутимым видом выслушивал излияния известной светской сплетницы, вдовы майора Пикарда. Майорша слыла женщиной бесцеремонной, так что невозмутимость графа, вполне возможно, прикрывала ярость. Или равнодушие. Может, ему вообще на все наплевать.

– Что ж, почему бы и нет. Наверняка леди Пикард успела изрядно его утомить.

«Эта женщина утомит и каменного идола», – подумала Мэгг и, сохраняя вежливую улыбку на губах, двинулась следом за Робертом.

– Это будет хотя бы забавно, – шепнула ей Этель.

– Куда как забавно! – прошипела в ответ Мэгг. Она не любила, когда люди выставляются напоказ, словно дрессированные обезьянки.

А граф Сильверстайн явно выставлен напоказ – по своей воле или вопреки, кто знает. Мэгг с недавнего времени тоже ловила на себе любопытные взгляды: все знали, что она обручена, однако помолвка состоялась слишком давно. Слишком… Конечно, общество будет шокировано ее экстравагантным поступком (нечасто молодая леди решается на длительное путешествие в дикие страны, лишь бы оказаться рядом с возлюбленным!), однако Мэгг этого не увидит. Прочитает в письмах матушки и Этель.

Граф почти не интересовал Мэгг. Он был, конечно, забавен с виду – эти длинные волосы, эта треуголка, – и все же ничем или почти ничем не отличался от подавляющего большинства людей, которые Мэгг не интересовали. Так что руку ему девушка подавала без всякого трепета перед скандальной знаменитостью. Ну да, его отец женился на простолюдинке, и что? Если это и пошло не на пользу роду, Мэгг Ливермор подобные вещи совершенно не касаются.

Граф лишь едва коснулся ее руки в перчатке и тут же отпустил. Майорша Пикард, надувшись из-за того, что ее потеснили, отошла в сторонку.

– Рад знакомству, мисс Ливермор.

Значит, расслышал, как ее зовут. Небось забудет через пару минут.

– И я рада, милорд граф. Как прошло ваше путешествие из Глазго?

Вроде бы матушка и леди Бигстайн упоминали, что он прибыл из Шотландии.

– Великолепно.

– И не было омрачено тяжкими новостями? – вздернула бровь Мэгг. Она знала, что дерзит, но просто так беседовать с этим человеком о птичках и пчелках посчитала невыносимо скучным.

Этель незаметно дернула ее за рукав.

– Тяжкие новости, – повторил граф Сильверстайн, словно смакуя эти слова, и ухмыльнулся. – Пусть будет так. Омрачено. Если так полагается.

Мэгг это позабавило. Весь свет знал, как именно относился старик Сильверстайн к своим наследникам. То, что граф все-таки оставил титул и состояние внуку, говорило о многом. Но внук вовсе не выглядел скорбящим и утонченным джентльменом. Скорее, он напоминал дровосека, которого вдруг попросили оплакать только что срубленную им сосну. И явился на прием, несмотря на то что должен пребывать в трауре по деду и отклонять все приглашения. Впрочем, Норманы тоже родственники, а пируют как ни в чем не бывало. Удивительная семейка.

– Пришелся ли вам по душе Лондон? – Этель кинулась спасать положение, пока не поздно. Напрягшийся было лорд Норман расслабился.

– Вполне. Очень шумный город.

– Разве Глазго не шумный?

– Все зависит от того, где вы любите прогуливаться, мисс. И что за шум стоит вокруг вас.

Мэгг заподозрила, что этот человек над ними всеми издевается. Нет, он не сказал ничего оскорбительного, и все же в его словах сквозила глубоко замаскированная ирония. Более простодушная Этель приняла все за чистую монету и продолжила задавать пустые вопросы, ответы на которые никого не интересовали.

– В этом году такое жаркое лето! А на севере не идут дожди?

– Нет, мисс. У нас дождей в этом году мало.

– Великобритании повезло с погодой, – принял участие в разговоре Роберт.

– И розы цветут как никогда, – пробормотала Мэгг, тут же получив от Этель очередной тычок в бок.

Ладно. Если этот граф такая достопримечательность, можно и поболтать с ним немного.

– Вы так неожиданно возникли на лондонском горизонте, – обронила она.

– И для меня, поверьте, это тоже оказалось сюрпризом.

Решительно непробиваем. Пустой вопрос – пустой ответ. Мэгг сделалось скучно. Конечно, у него интересное лицо, и руки без перчаток такие загорелые, и еле заметно проглядывает щетина, хотя он совершенно точно брился с утра… Но как же все это скучно! Очередная светская диковинка. Все опротивело.

– Я хочу домой. – Мэгг с громким шелестом сложила веер.

Это выбивалось из правил, так что все воззрились на нее с интересом.

– Прямо сейчас? – переспросила пораженная Этель.

– Прямо сейчас.

– Но твоя мама…

– Матушка приедет позже. У меня разболелась голова. Простите, лорд Норман.

– О, ну что вы, я все понимаю. Позвольте проводить вас до кареты.

– Роберт, вы меня чрезвычайно обяжете, если предоставите мне эту честь, – неожиданно заговорил граф Сильверстайн.

Мэгг посмотрела на него долгим взглядом. Ему-то зачем это нужно?

– Что ж, Рэнсом, уступаю честь вам. Если дама не против.

– Дама не против, – кивнула Мэгг и положила свою руку на руку графа.

Глава 7

Они отошли подальше от шумного пикника и свернули на широкую тропу, ведущую к дому.

Норманы устраивали прием не в саду, а вдалеке от поместья, на заросшем редкими березками лугу, чтобы гости немного прогулялись пешком и не потоптали что-нибудь на клумбах. Поэтому до карет предстояло идти, что, впрочем, Мэгг вполне устраивало. Она обошлась бы и без общества, однако этот едва знакомый человек лучше, чем остальные. Во всяком случае, он молчал, первые несколько минут.

И когда заговорил, то не о погоде.

– У вас и вправду заболела голова, мисс Ливермор? Может, мы идем слишком быстро?

Все та же ирония чувствовалась за его словами, Мэгг ощущала ее, как прикосновение прохладного бриза к коже.

Врать расхотелось.

– Мне нужен был предлог, чтобы уйти.

– Вполне достойно.

– Вы шутите?

– Да.

Мэгг еле заметно улыбнулась.

– Тогда хорошо. Вы сегодня в центре внимания, поэтому могли уже растерять желание шутить.

Он усмехнулся. Мэгг взглянула на графа искоса – и скользнула взглядом по худой щеке, по завиткам волос над ухом…

– Меня уговорили родственники. Если быть откровенным, то я сожалею о том, что не умею изобретать предлоги, как некоторые дамы.

– Разве вы не наслаждаетесь этим милым пикником? – Мэгг изо всех сил старалась удержаться в рамках образа – простая девушка слегка кокетливо разговаривает с джентльменом.

– Какого ответа вы от меня ждете, мисс? – Он шагал широко, старательно замедляя шаг, чтобы Мэгг поспевала за ним. – Тот, который я могу дать, вам не понравится.

– А вдруг наоборот?

– Я желаю поскорее завершить свои дела в Лондоне и покинуть город, – будничным голосом сказал граф Сильверстайн. – Все это весьма некстати.

– Подождите, – сказала Мэгг, – вы идете слишком быстро.

– Виноват.

Он еще замедлил шаг, хотя это явно стоило ему усилий.

– А почему это некстати? Этот вопрос бестактен?

– Пожалуй, нет, я не делаю из этого тайны. У меня дела за пределами Соединенного Королевства, только и всего.

У него странный выговор, подумала Мэгг. Странный и немного волнующий – так и кажется, будто гладишь большого кота, а он ворчит на тебя, не разжимая зубов. Это, наверное, из-за того, что Сильверстайн много времени провел в Глазго. Мэгг попыталась вспомнить, что слышала о новом графе от матери и ее подруги. Ничего обнадеживающего, на самом деле: большая часть беседы была посвящена его происхождению.

Если Сильверстайн и опростился, то сразу о нем такого и не скажешь. Конечно, этот неброский костюм… Однако манеры у него хорошие. Джентльменские манеры. Во всяком случае, он умеет вести себя в обществе, и если грамотно разыграет свою партию, то сможет жениться на какой-нибудь титулованной красотке и окончательно загладить в глазах напы-

щенных снобов отцовский промах. Ах да, граф же сказал, что собирается уехать. Может, его ждет невеста во Франции или в Шотландии, откуда он родом.

Мэгг задумалась и некоторое время молчала. Граф тоже не нарушал возникшей паузы. Парочка шла под деревьями, сквозь кроны которых острыми лучиками брызгало солнце, и от земли поднималось чарующее тепло.

– Я даже не знаю, как с вами поддерживать беседу, граф, – созналась Мэгг. – Вас ведь вряд ли интересуют розы Норманов?

– Розы? – удивился Сильверстайн.

– Да, у нас принято говорить о розах. Еще о погоде, как вы заметили, еще о птицах и бабочках. О шляпках и кружевных платках. О том, что нынче модно, и о званых вечерах, и кто кого пригласил танцевать, и почему лорд Эн до сих пор холостяк, а лорд Икс – вот ужас, не правда ли? – завел пятую любовницу. Разве вы не знаете?

– Нет. – Граф улыбнулся, и даже увиденная сбоку, эта кривая улыбка понравилась Мэгг. – Я не искушен в подобного рода делах.

– Дайте время, и вас научат. Если, конечно, вы пожелаете учиться.

– Если бы моей учительницей были вы, мисс…

– Я? – Мэгг не знала, воспринимать это как комплимент или… как своеобразный комплимент. – Боюсь, я недолго могла бы пробыть вашей учительницей, милорд.

– Вы не смогли бы описывать природу так, как принято между леди и джентльменом?

Она засмеялась.

– Может, мне и хватило бы красноречия. Однако я скоро покину лондонское общество, так как меня ждет жених.

– Мои поздравления.

– Благодарю.

Снова повисло молчание, только рядом с графом Мэгг отчего-то не испытывала беспокойства по такому ничтожному поводу, как перерыв в разговоре. С ним было приятно помолчать. Дорожка вилась между деревьями, птицы действительно пели, и Мэгг подумала о том, что все получится. Должно получиться.

– А ведь вы первая леди, которая не старается так или иначе вытянуть из меня сведения о том, как именно мой отец ругался с моим дедом, – обронил граф через пару минут.

– Может быть, потому, что мне неинтересны сплетни?

– Но вы же сказали, что все должны ими интересоваться?

– Возможно. Я сама нарушаю все правила. – Мэгг потрогала узел под подбородком – шляпка держалась крепко, ленты и не думали развязываться. – Только я считаю неприличным так вот у вас все выспрашивать.

– Но вам интересно?

– Немного.

Кто он – охотник за богатством? Вполне возможно. Вряд ли он прожил все это время богачом. Конечно, какое-то личное состояние у его отца должно было оставаться, и все зависело от того, как именно лорд Сильверстайн распоряжался этими деньгами. Провел ли Рэнсом жизнь в скромности и смирении? Он свято чтит законы божьи? Он мечтал о том, как обретет титул и положение в обществе? Его отец, наверное, этого хотел…

И все это Мэгг совершенно не касается.

Она усмехнулась.

– Не вижу смысла пытать вас, граф.

– Никакой пытки. Вам интересно знать, кто я? Я обычный судовладелец, и у меня много дел, а я прогуливаюсь тут и… слушаю птичек.

Мэгг едва не споткнулась и пропустила его последнюю и, если поразмыслить, весьма оскорбительную фразу мимо ушей, уловив лишь то, что ее интересовало.

– Судовладелец? Такой человек, у которого много кораблей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.